

УДК 811.161.1'37(091)

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.3.134

О РАЗВИТИИ ПЕРЕНОСНО-МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В СЕМАНТИКЕ НАРЕЧИЙ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ XIX ВЕКА

Е. Ю. Шарихин

Санкт-Петербургский государственный университет
кафедра русского языка для гуманитарных и естественных факультетов

В статье рассматриваются семантические особенности качественных наречий на материале русской психологической прозы XIX века. В частности, наблюдается расширение семантики таких наречий в направлении от прямого к переносному значению (метафоризация), показаны механизмы формирования метафорического переноса и приобретение наречиями частнооценочных значений.

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикология и словообразование, семантика, наречие.

В 30–40-х годах XIX века в русском языке появилась необходимость в лексических средствах выразительности, способных описать разнообразные явления действительности, в том числе душевное состояние и эмоции человека, что было обусловлено активным развитием метода психологической прозы. Как указывает Ю.С. Сорокин, в этот период благодаря новой стилистической системе литературного языка лексика становилась более гибкой, семантически содержательной, готовой к разным семантико-стилистическим изменениям [9, с. 40]. Основные семантические изменения этого времени обусловлены «переносно-метафорическим и образным применением слов разных генетико-стилистических пластов» [16, с. 6]. Такие изменения происходили и в семантике новообразованных наречий. Попадая в контекст повествовательной и публицистической прозы, они зачастую получали новые переносные осмысления, их смысловая структура приобретала частнооценочные значения. Многие наречия употреблялись в расширительном смысле и благодаря этому получали более широкие переносные значения.

Интересным и показательным для изображения семантического развития в наречиях является лексема *освежительно*. Данное наречие зафиксировано в ССРЛЯ [13, т. VIII, с. 1068], однако при слове приведен только иллюстративный материал.

Прилагательное *освежительный*, послужившее словообразовательной базой для рассматриваемого наречия, впервые отмечено в Слова-

© Шарихин Е. Ю., 2021

ре В. И. Даля, в котором значение прилагательного передаётся через словосочетание ‘освъжительный вътерокъ, освъжающій’ [5, т. II, с. 1271].

По данным ССРЛЯ, прилагательное *освежительный* имеет следующую семантику: ‘то же, что освежающий’ [13, т. VIII, с. 1067]. В свою очередь, отглагольное прилагательное *освежающий* представлено в словаре двумя значениями: прямым 1) ‘дающий свежесть, прохладу; устраняющий чувство усталости, утомления и т. п.’; и переносным 2) ‘обновляющий духовно, вызывающий прилив бодрости, душевных сил’ [Там же, с. 1067].

Поскольку прилагательные с суффиксом *-тельн-* часто показывают отношение не к носителю действия, а к самому действию, необходимо обратить внимание и на семантику глагола *освежать*: 1) ‘делать свежим, чистым, прохладным (воздух)’; 2) ‘укреплять силы, устранять чувство вялости, утомления’; 3) *перен.* ‘обновлять кого-либо духовно, вызывая ощущение бодрости, прилива душевных сил’; 4) ‘пополняя внесением нового, изменяя, обновлять (обычно костюм, платье и т. п.)’ [Там же, с. 1065]. Приведенное толкование глагола *освежать* демонстрирует полную взаимосвязь семантики глагола и прилагательного *освежительный*, за исключением, может быть, только значения (4).

Наречие *освежительно* встретилось в следующих контекстах (1) – (3):

(1) *Люди, которыхъ вы здѣсь видите, живутъ въ благословенныхъ мѣстахъ: городъ стоитъ на берегу Волги, весь въ зелени; съ крутыхъ береговъ видны далекія пространства, покрытыя селеньями и нивами; лѣтній благодатный день такъ и манитъ на берегъ, на воздухъ, подъ открытое небо, подъ этотъ вътерокъ, освъжительно вьющій съ Волги...* (Н. А. Добролюбов. Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ. 1860. С. 444.)

(2) *Дивная швейцарская природа и чистый горный воздухъ освъжительно и благотворно подгъйствовали на здоровье старика, измученнаго непрерывными празднествами.* (А. М. Матушинский. Послѣдніе годы жизни Торвальдсена. 1866. С. 255.)

(3) *Ракитинъ (глядитъ нѣкоторое время на него и съ горькой улыбкой пожимаетъ плечами).*

– *Каково мое положеніе? Славно, нечего сказать! Право, даже освъжительно. И прощаніе-то каково, послѣ четырехлѣтней любви? Хорошо, очень хорошо, по дѣломъ болтуну. Да и слава Богу, все къ лучшему. Пора было прекратить эти болъзненные, эти чахоточныя отношенія. (Громко Ислаеву.) – Ну, Аркадій, прощай.* (И. С. Тургенев. Мѣсяцъ въ деревнѣ. 1898. С. 187.)

В примере (1) наречие *освежительно* имеет значение, близкое к первому значению прилагательного *освежительный*, а именно: ‘со свежестью, прохладой; принося свежесть, прохладу’.

Значение наречия *освежительно* в примере (2) несколько иное: оно является близким одновременно к первому и второму значениям отглагольного прилагательного *освежающий*: с одной стороны, ‘устраняя чувство усталости, утомления’; а с другой – ‘вызывая прилив бодрости, душевных сил’. В таком контексте семантика рассматриваемого нами наречия обладает семантикой утилитарной оценки (или оценки благоприятствования), которая обычно основана на физической или психической пользе, направленности на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции [1, с. 64, 77].

С подобной ситуацией встречаемся и в примере (3), в котором наречие *освежительно* имеет следующую семантику: ‘приводя в чувство, избавляя от болезненного состояния, устраняя усталость, утомление’. Однако отличие данного случая от двух предыдущих в том, что если в примерах (1) и (2) наречие *освежительно* находится в устоявшихся связях со своим лексическим окружением (*ветерок, освежительно веющий; горный воздух освежительно подействовал*), то в примере (3) оно помещено в новый контекст, благодаря чему приобретает переносное значение. В данном случае механизм переноса состоит в переходе лексики физического мира в область психического явления (физический мир → психический мир) [8, с. 101]. Как отмечает Г. Н. Складарская, при таком переносе «эмоции, мыслительная деятельность, элементы духовной жизни, социальных явлений и т.п. приравниваются к физическим и физиологическим процессам, к механическим действиям и т.п.» [Там же, с. 101]. Рассматриваемое наречие в контексте (3) имеет в своей семантике психологическую (эмоциональную) оценку [1, с. 75].

Между тем следующий пример (4) демонстрирует окказиональное употребление наречия, находящегося в предикативной позиции, за счет сдвига в значении слова. См.:

(4) *Онъ взялъ меня подъ руку и мы отошли къ окну.*

– *Я слыву здѣсь за остряка, сказалъ онъ <Лупихинъ> мнѣ въ теченіи разговора: – вы этому не вѣрьте. Я просто озлобленный человекъ и ругаюсь въ слухъ; отъ того я такъ и развязенъ. И зачѣмъ мнѣ церемониться, въ самомъ дѣлѣ? Я ничѣмъ мнѣ въ грошъ не ставлю и ничего не добиваюсь; я золь – что-жъ такое? Злому человекъ, по крайней мѣрѣ, ума не нужно. А какъ оно **освъжительно**, вы не повѣрите...* (И. С. Тургенев. Гамлетъ Щигровскаго уѣзда. 1876. С. 182–183.)

С одной стороны, если в предложении «*А какъ оно **освъжительно**, вы не повѣрите*» рассматриваемое наречие *освежительно* содержит в себе характеристику действия (т. е. поведение героя Лупихина оказывает определенное воздействие на кого-либо), то в таком случае слово имеет значение ‘открывая глаза на реальность; действуя отрезвляюще’. С другой стороны, наречие *освежительно* может содержать в себе качественную характеристику

стику самого героя, его поведения, и в этом случае наречие может иметь значение, близкое к 11-му (переносному) значению прилагательного *свежий*: *перен.* ‘чуждый рутины, шаблона, оригинальный’ [13, т. XIII, с. 288]. Таким образом, предикативное наречие *освежительно* в данном примере приобретает значение ‘оригинально, нестандартно, нешаблонно; неподражаемо’. В связи с этим необходимо отметить, что мотив ‘оригинальности’ имеет значение для рассказа И. С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда», фрагмент которого приведен выше. Так, немаловажным фактом является то, что в тексте рассказа слова с корнем *оригинал-* встречаются 22 раза: (*не*) *оригинальный* – 12 раз, *оригинал* – 9 раз, *оригинальность* – 1 раз.

Кроме того, прилагательное *оригинальный* во втором значении ‘отличающийся чем-либо от других, своеобразный, самобытный’ [Там же, с. 1024] соотносится по семантике с прилагательным *свежий*. В подтверждение приводим другой фрагмент из того же рассказа И. С. Тургенева, показывающий общность семантики двух прилагательных и схожесть контекстов, в которых они встречаются, ср.:

(5) *Кружокъ – это лѣнивое и вялое житѣе вмѣстѣ и рядомъ, которому придають значеніе и видъ разумнаго дѣла; кружокъ замѣняетъ разговоръ разсужденіями, приучаетъ къ бесплодной болтовнѣ, отвлекаетъ васъ отъ уединенной, благодатной работы, прививаетъ вамъ литературную чесотку, лишаетъ васъ, наконецъ, свѣжести и дѣвственной крѣпости души.* (И. С. Тургенев. Гамлетъ Щигровскаго уѣзда. 1876. С. 200.)

Ниже также приведен пример (6) с прилагательными *оригинальный* и *свежий*, которые выступают в роли однородных определений, находясь в одном синонимическом ряду. См.:

(6) *Въ то время, когда другіе робко шли за великими мастерами, въ Ильинѣ уже намѣчался крупными чертами оригинальный, свѣжій талантъ, вырабатывающій свои убѣжденія, свои приемы, свой рисунокъ и свое пониманіе натуры.* (А. И. Куприн. Погибшая сила. 1900. С. 268.)

Таким образом, благодаря контексту и самой концепции рассказа И. С. Тургенева в примере (4) предикативное наречие *освежительно* приобретает значение ‘оригинально, нестандартно, нешаблонно; неподражаемо, самобытно’. Отметим, что во фрагменте (4) семантика наречия несёт в себе психологическую (интеллектуальную) оценку [1, с. 75]. (Отметим, что наречие *оригинально*, о котором речь шла выше, в значении ‘оригинальнымъ, особеннымъ образомъ’ [12, т. III, с. 77] фиксируется впервые в Словаре 1847 года. Прилагательное *оригинальный*, служащее словообразовательной базой для наречия, дано в словаре в значении: ‘не подражавшій никому, самобытный’ [Там же, с. 77]. По данным Словаря XVIII века, наречие *оригинально* имеет только одно значение – ‘в оригинале, не в копии’ [11, т. XVII, с. 76]. Следовательно, отмеченную нами семантику лексема приобретает только в XIX веке.)

Важно отметить, что в словаре современного литературного языка мы встречаем также наречие *освежающе* [13, т. VIII, с. 1067], семантика которого полностью соответствует семантике наречия *освежительно*. Подобная вариантность объясняется тем, что в конце XIX века наречия с активно-глагольным значением, имеющие формант *-тельно*, вступили во взаимодействие с наречиями на *-е*, восходящими к причастиям. (По мнению некоторых исследователей, в распространении отпричастных наречий на *-о* (*-е*) в конце XIX в. важная роль принадлежит Ф. М. Достоевскому и Л. Н. Толстому [7, с. 3; 6, с. 52].) Данные отношения были обусловлены взаимодействием прилагательных с *-тельн-* и адъективированных причастий. Параллельное употребление (с одним значением и в аналогичных контекстах) отражает «развитие соотносительных значений у их производящих основ» [4, ч. I, с. 217].

Для создания художественной образности писатели также использовали наречия в переносно-метафорических контекстах, примером чему являются фрагменты с наречием *кокетливо*. Новообразование *кокетливо* (франц. *coquet* – ‘миловидный, кокетливый’ [15, т. II, с. 282]) зафиксировано в ССРЛЯ со значением ‘стараясь понравиться, с кокетством’ [13, т. V, с. 1129]. Рассмотрим контекст, в котором данное наречие употреблено в образном контексте. См.:

(7) *Все время гхали мы подь тгнюю сплошныхъ кедровыхъ и дубовыхъ аллея; на каждой верстѣ выглядывала чистенькая дача, кокетливо убранная зеленью кактусовъ, кипариса, алоэ и олеандровъ.* (А. В. Вышеславцев. Съ мыса Доброй Надежды. 1858. С. 63.)

В рассматриваемом фрагменте (7) семантика наречия *кокетливо* соотносится с одним из оттенков в значении прилагательного *кокетливый* – ‘нарядно убранный, изысканный (о предметах обстановки, помещении)’ [Там же, 1129]. В таком случае рассматриваемое наречие имеет значение ‘нарядно <убрано>, изысканно’. В данном контексте олицетворение проявляется в образном сравнении неодушевленного предмета (*дача*) с одушевленным (перенос свойств человека на предмет). Образный контекст создается с помощью таких слов, как *выглядывать*, *кокетливо* и *убранный*, относящихся к характеристике живого существа.

В нижеследующем фрагменте мы также сталкиваемся с образным, но уже окказиональным употреблением наречия *кокетливо*, ср.:

(8) *Рельсы задрезжали и вскорѣ, кокетливо скользя по гладкому пути, какъ конькобѣжець по льду, вихремъ пронесся въ клубахъ дыма грохочущій поѣздъ, освѣтивъ на минуту поляну и бросая багровое зарево на низкіе облака...* (С. М. Степняк-Кравчинский. Домик на Волге. 1889. С. 2.)

Во фрагменте (8) наречие *кокетливо* характеризует признак действия (*кокетливо скользя*). Данное новообразование употреблено в переносно-метафорическом контексте: на неодушевленный предмет (поезд)

перенесен признак (кокетство) живого существа (человек → предмет). Сравнение (как конькобежец по льду) подчеркивает наличие в данном фрагменте метафорического переноса. В данном случае наречие приобретает следующее (оказиональное) значение: ‘изящно, легко; производя впечатление’. Отметим, что в обоих контекстах (7) и (8) в семантике наречия *кокетливо* проявляется эстетическая оценка [1, с. 75].

В качестве другого примера, показывающего развитие переносно-метафорических значений в наречиях, рассмотрим наречие *по-базарному*. Лексема восходит к прилагательному *базарный*, отмеченному в САР¹ в двух значениях: 1) ‘для базара назначенный’ (*базарный день, базарная площадь*); 2) ‘неосновательный, на базаръ составленный’ (*базарные речи*) [10, с. 83].

В то же время в Словаре под ред. Д.Н. Ушакова прилагательное *базарный* также отмечено в двух значениях, но второе значение уже несколько иное: 1) *прил.* к *базар*; 2) *разг.* ‘непристойный, площадной’ [14, с. 77]. (Само существительное *базар*, служащее словообразовательной базой для рассматриваемых слов, является очень древним. По данным Словаря М. Фасмера, слово *базар* исторически имело два основных значения: 1) ‘благотворительное мероприятие, распродажа в благотворительных целях’, 2) ‘рынок, ярмарка’. В первом значении встречается как западное заимствование через франц. *bazar* или нем. *Basar*, распространившееся благодаря популярности «1001 ночи». Во втором значении др.-русск. *базарь* известно с 1499 г. Источником последнего «является тюрк. диал. *bazar*, тур., алт., уйг. *paazar* ‘ярмарка, рынок’ из перс. *bāzār*» [15, т. I, с. 105–106].)

В БАС рассматриваемое наречие отмечено в двух общих значениях: ‘как на базаре’ (в 1 и 2 знач.), ‘как для базара’ [2, т. I, с. 293]. Кроме того, в Словаре В. И. Даля в статье на слово *ларь* приведено словосочетание *торговать на ларь*, которое толкуется следующим образом: ‘на столкѣ, *по-базарному*, не въ лавкѣ, на векѣ’ [5, т. II, с. 841]. Данный пример с наречием *по-базарному* реализует прямое значение слова (сравнение).

В художественной литературе мы обнаруживаем определенные сдвиги в значении рассматриваемого слова. Рассмотрим выявленные примеры. См.:

(9) (...) *на слѣдующей недѣль онъ <Набимовъ>, зайдя в школу, не подалъ мнѣ руки, называлъ меня прапорщикъ Венюковъ, вмѣсто обычнаго Михаилъ Ивановичъ, а изъ школяровъ двухъ изъ самыхъ лучшихъ обругалъ по базарному за то, что они были плохо выбриты (что, собственно, до меня не относилось)*. (М.И. Венюковъ. Воспоминанія М.И. Венюкова (1850-1856 гг.). 1886. С. 85.)

В примере (9) наречие *по базарному* имеет следующую семантику: ‘бескультурно, грубо, скверно, непристойно, резко, по-хамски’. Ср.:

обругал по-базарному ↔ *обругал грубо, непристойно, площадно, резко*. В семантике наречия отчетливо проявляется психологическая (эмоциональная) оценка.

В нижеследующем примере (119) анализируемое наречие приобретает иной оттенок значения. См.:

(10) *Лежу я съ барчукомъ на печкѣ и дѣлаю съ нимъ подлый поступокъ: продаю ему кошелекъ, а въ обмѣнъ требую съ него серебряную цѣпочку... Кошелеку цѣна копѣйка, а цѣпочка стоитъ пять серебромъ. Желая я ее получить. Барчукъ ничего не смыслитъ, взявъ да и помѣнялся, а потомъ разсмотрѣлъ – въ слезы... «Отдай!» плачетъ. А я ему: «нѣтъ, говорю, не отдамъ, потому что ты видѣлъ что покупалъ. По базарному поступаю... Максимъ Петровичъ пьяный сидѣлъ, сидѣлъ слушаль, слушаль да шарахъ меня за волосы съ печи... «Мошенникъ! воръ!... Съ какихъ лѣтъ мошенничаешь!... И безъ тебя много мошенниковъ!...»* (Г. И. Успенский. Разоренье. 1868. С. 415.)

В примере (10) наречие *по-базарному* обладает следующей семантикой: ‘мошеннически; плохо, подло, недостойно’. Указанную семантику подтверждает и лексическое окружение (см.: *делаю <...> подлый поступокъ; съ какихъ лѣтъ мошенничаешь!*). В значении наречия в данном употреблении присутствует этическая оценка [1, с. 75].

Между тем нижеследующий пример отчетливо демонстрирует определенный метафорический сдвиг в значении наречия *по-базарному*. См.:

(11) *Этотъ языкъ, какъ и языкъ «Стальной блохи», дается не легко, а очень трудно... Но этотъ-то самый «своеобразный языкъ» и ставятъ мнѣ въ вину и заставили меня его немножечко портить и обезцвѣчивать. Прости Богъ этихъ «судей неправедныхъ». Они вѣрно отвыкли думать, что есть еще люди, которые работаютъ не по-базарному, – «безъ помарокъ», прямо набѣгло, – «какъ выброшень навозъ, такъ и замороженъ».* (Н. С. Лесков. Письмо С. Н. Шубинскому. 19 сентября 1887. С. 578.)

В приведенном примере (11) наречие *по-базарному* обладает значением ‘грубо, неискусно, топорно; недоброкачественно’. В данном случае рассматриваемое наречие обладает особой семантикой нормативной оценки [Там же, с. 75–76]. См.: *люди, которые работаютъ не по-базарному (т. е. доброкачественно)*. Механизм такого метафорического переноса состоит в использовании свойства предмета для характеристики человеческих качеств (предмет → человек) [8, с. 89].

Данное наречие, образованное по модели *по-*(н)ому*, не случайно появляется в тексте эпистолярного жанра: разговорность является характерной чертой подобных образований.

Отметим современное толкование наречия *по-базарному* в [17]. См.: *по-базарному* – разг. ‘как на базаре – шумно, грубо, крикливо, не-

красиво, недостойно, неблагородно' [Там же, с. 206]. Как мы видим, приведенная семантика не содержит выявленного нами в текстах XIX века переносного (метафорического) значения 'грубо, неискусно, топорно'.

В качестве примера, демонстрирующего метафорический перенос, рассмотрим также и наречие *по-пряничному*, не отмеченное в словарях русского языка. Рассмотрим контексты (12) – (13). См.:

(12) *...встретилъ я какого-то извозчика; шель онъ по грязи возле своей длинноногой клячи. (...) Лопатки <у клячи> развалились въ стороны точно крылья у нетопыря, грудь провалилась, и ко всему этому безобразію надо же еще бѣдной скотинѣ выгнуть шею **по пряничному** и оскалить свои изъѣденные зубы.* (А. Ф. Погосский. Злодѣй и Петька. 1900. С. 190.)

(13) *...этотъ домъ купилъ какой-то купецъ и конечно соскоблilъ и счистилъ всѣ эти славныя воспоминанія <барельефныя изображенія баталій>, а вмѣсто нихъ, пожалуй, велѣлъ намалевать разныя цацы и **по пряничному** разукрасилъ стѣны.* (Д. Д. Благово. Рассказы бабушки. 1880. С. 307.)

Наречие *по-пряничному* восходит к прилагательному *пряничный*. В ССРЛЯ данное прилагательное сопровождается следующими значениями: 1) 'относящийся к прянику; связанный с изготовлением, торговлей ими'; 2) 'сделанный из пряника, из теста для пряников'; 3) *перен.* 'обильно украшенный, как будто сделанный из расписных пряников', а также отмечен сдвиг в значении 'чрезмерно сентиментальный, слащавый' [13, т. XI, с. 1605].

Во фрагменте (12) наречие *по-пряничному* употреблено в необычном значении: наречие *по-пряничному* в словосочетании *выгнуть шею по-пряничному <о лошади>*, по-видимому, обозначает согнутую шею и опущенную голову лошади. В данном случае положение головы двигающейся лошади, вероятно, схоже с формой традиционного тульского пряника, выпеченного в виде лошади с опущенной головой.

Между тем во фрагменте (13) семантика новообразования *по-пряничному* соотносится с третьим переносным значением прилагательного *пряничный* и имеет переносное значение 'с большим количеством украшений, безвкусно'. В данном случае перенос формируется за счёт перенесения свойства одного предмета на другой (предмет → предмет) [8, с. 88] за счёт их внешнего сходства. В данном случае рассматриваемое наречие обладает семантикой эстетической оценки [1, с. 75].

Теперь обратимся к наречию *вельможески*, которое содержит в себе указание на лицо и имеет в текстах XIX века две формы: приставочную и бесприставочную.

В ССРЛЯ толкование и иллюстративный материал для рассматриваемого наречия не приводится, указывается лишь первая фиксация

новообразования в Словаре 1847 года. В данном словаре наречие сопровождается следующим толкованием: ‘прилично вельможамъ’ [12, с. 110]. Слово *вельможа*, согласно данным ССРЛЯ, имеет значение ‘знатный и богатый сановник’ [13, т. II, с. 153]. Обратимся к контекстам с рассматриваемым наречием. См.:

(14) *Бывало, <Франсиско Гойя> пропируетъ, прокутитъ почти всю ночь, безъ отдыха въ гостяхъ, въ кругу придворной знати (...).*

Онъ жилъ въ прелестной виллѣ, по близости столицы, жилъ по-художнически и по-вельможески. Всѣ стѣны раскрашены имъ самимъ. (Франсиско-Гойя и Лусиентесь. 1838. С. 661-662.)

(15) *Роскошный, великодушный богачъ этотъ <М. С. Голиков> содержалъ на откупѣ Сибирь, Москву, Петербургъ, обладалъ милльонами, жилъ вельможески, изумлялъ своими пирами, весельемъ, и умеръ не оставивъ дѣтей.* (Н. А. Полевой. Сочинения Г. Р. Державина. 1839. С. 51.)

(16) *Тогда онъ <графъ> признался, что за него <Могилинский требникъ 1647 г.> просилъ продавецъ только 10 <руб.>, но что ему показалось это слишкомъ мало, а потому онъ далъ продавцу впятеро. Это истинно по вельможески и притомъ честно вельможески, подумалъ я въ себѣ.* (О. М. Бодянский. Осипъ Максимовичъ Бодянский (въ его дневникѣ 1849–1850 гг.). 1888. С. 399.)

На первый взгляд, семантика наречий в примерах (14) и (15) тождественна. Однако приставочная форма наречия в примере (14) в большей степени передает относительность, сравнение с вельможей (жил *по-вельможески*, т. е. жил ‘как подобаает вельможе’), чем пример (15) с бесприставочной формой наречия, который выражает обобщенно-качественное, переносное значение наречия (жил *вельможески* – т. е. ‘очень богато, с размахом, на широкою ногу’ и т. п.). Метафорический перенос такого типа (человек → человек) происходит благодаря разнообразным признакам, свойственным человеку: внешнему виду, физиологическим особенностям, качествам личности, связанным с его положением в обществе и др. [8, с. 100]. В данном случае наречие имеет семантику утилитарной оценки [1, с. 75]. Отметим, что в примере (14), содержащем приставочное наречие *по-художнически*, жизнь Ф. Гойи уподобляется жизни придворного художника (т. е. жил ‘как подобаает художнику’); и одновременно с этим пример содержит качественную характеристику (т. е. жил ‘богемно’).

Пример (16), объединяющий в себе обе формы наречия (поскольку орфографическая норма в XIX веке только устанавливалась, мы встречаем пример раздельного (бездефисного) написания наречия *по-вельможески*), показывает, что в данном контексте первая приставочная форма имеет в себе больше относительности, а вторая бесприставочная форма – качества (в первом случае *истинно по вельможески* – ‘так, как подобаает настоящему, порядочному вельможе’, во втором случае *честно*

вельможески – ‘щедро, без скупости’). В рассмотренном фрагменте (16) наречие обладает семантикой этической оценки [Там же].

По мнению В. В. Виноградова, на всем протяжении XIX века приставочные и бесприставочные наречия на *-ски* адаптируются для выражения разных значений: приставочные формы используются при выражении значения уподобления (‘подобно кому-нибудь’): *по-барски* – чаще, чем *барски*, *по-детски* – чаще, чем *детски* и т. п.; бесприставочные формы употребляются в тех случаях, когда значение ближе к качественному [4, ч. I, с. 191].

Между тем нижеследующий пример (17) показывает, что в определенном контексте приставочное наречие может обладать качественным значением. См.:

(17) (...) *Въ воскресеньє свадьба. Надо покои поубрать, чгьмъ прилично; хочу фейерверкъ на Невгъ сжечь; хочу угостить по вельможески и, чаю, что мои благодѣтели, великіе сподвижники царскіе, домъ мой и праздникъ своимъ присутвіемъ осчастливятъ...* (Н. В. Кукольник. Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова. 1852. С. 159.)

Сочетание *угостить по вельможески* с приставочной формой наречия в данном случае может иметь два значения: 1) ‘угостить щедро, с размахом, без скупости’ и 2) ‘угостить достойно высокого положения гостя’. В этом контексте (16) семантика наречия несет в себе этическую оценку [1, с. 75].

Итак, приведенные примеры демонстрируют разные случаи, в которых наречие *вельможески* (*по-вельможески*) в каждом контексте выражает определенную семантическую градуальность (‘богато’ – ‘очень богато, на широкую ногу’ – ‘щедро’). Кроме того, примеры (14)–(16) отражают тенденцию, согласно которой приставочные формы в большей степени использовались при выражении значения уподобления (‘подобно кому-нибудь’), в то время как бесприставочные формы употребляются в тех случаях, когда значение тяготело к чисто качественному. С другой стороны, пример (17), в котором приставочная форма выражает в большей степени качественное значение, чем относительное, может свидетельствовать о существовании промежуточного типа наречий – качественно-относительного, который выделял еще В. В. Виноградов [3, с. 341].

Выводы

Проанализированные контексты показывают семантическую динамику наречных новообразований XIX века в направлении расширительного употребления: прямое значение → переносное значение (метафоризация). Анализ позволил рассмотреть механизмы формирования метафорического переноса в семантике наречий. В статье показаны следующие семантические направления, по которым происходит образование перенос-

ных значений у наречий: физический мир → психический мир, человек → предмет, предмет → человек, предмет → предмет, человек → человек. Переносно-метафорические значения у наречий появляются в результате их перемещения в новое лексическое окружение, в несвойственный для их прямого значения контекст. Таким образом писатели стремились выразить свою субъективную оценку, характеристику какой-либо ситуации, описанной в тексте, или необычным употреблением новообразования деавтоматизировать ее восприятие за счет коннотативных связей наречия. Кроме того, анализ контекстов показал, что семантика наречных новообразований охватывает разные типы оценок: психологическую (интеллектуальную и эмоциональную), эстетическую, этическую, нормативную и утилитарную. Такой широкий спектр частнооценочных значений показывает специфику функционирования новых средств выразительности при описании разных явлений действительности, социально-психологических отношений, личностных переживаний и др. в психологической прозе и публицистических жанрах 40–80-х гг. XIX века.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 339 с.
2. БАС – Большой академический словарь русского языка / под ред. К. С. Горбачевича (т. I–XI), А. С. Герда (т. X–XXII). Т. I–XXIV. М.; СПб.: Наука, 2004–2017.
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
4. Виноградов В. В., Шведова Н. Ю. (ред.). Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964. 320 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. М., 1863–1866. Ч. I – IV.
6. Ермакова О. П. О некоторых общих вопросах словообразования наречий // Развитие словообразования современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 45–54.
7. Николитч И. Неправильности в выражениях, допускаемые в современной печати // Филологические записки. Воронеж, 1877. Т. 16. Вып. 1. С. 1–18.
8. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2004. 166 с.
9. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е гг. XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.
10. САР¹ – Словарь Академіи Россійской, производнымъ путемъ расположенный. С.-Петербургъ: При Императорской Академіи Наукъ, 1789–1794. Ч. I–VI.
11. Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб.: Наука, 1984–2015. Вып. 1–21.

12. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ. Т. 1–4. С.-Петербургъ: Тип. Имп. Академіи наукъ, 1847.
13. ССРЛЯ – Словарь современного русскаго литературнаго языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
14. Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русскаго языка: в 4 т. М.: ОГИЗ, 1935.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русскаго языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1986–1987.
16. Филин Ф. П. (отв. ред.). Лексика русскаго литературнаго языка XIX – начала XX века. М.: Наука, 1981. 359 с.
17. Червинский П. Наречіе. Дидактический словарь. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2004.

Источники

18. Благово Д. Д. Разказы бабушки // Русскій вѣстникъ. Журналь литературный и политическій, издаваемый М. Катковымъ. М.: Въ Университетской типографіи, 1880. Т. 148.
19. Бодянский О. М. Осипъ Максимовичъ Бодянский (въ его дневникѣ 1849–1850 гг.) // Русская старина. Ежемѣсячное историческое изданіе Мих. Ив. Семейскаго // С.-Петербургъ: Въ типографіи В. С. Балашева, 1888. Т. 60.
20. Венюков М. И. Воспоминанія М. И. Венюкова (1850–1856 гг.) // Русская старина. Ежемѣсячное историческое изданіе. С.-Петербургъ: Типографія В. С. Балашева, 1886.
21. Вышеславцев А. В. Съ мыса Доброй Надежды // Русскій вѣстникъ. М.: Въ Типографіи Каткова и Ко, 1858. Т. XVIII.
22. Добролюбов Н. А. Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ // Сочиненія Н. А. Добролюбова. С.-Петербургъ: Типографія И. Н. Скороходова, 1896. Т. III.
23. Кукольник Н. В. Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова // Сочиненія Нестора Кукольника. С.-Петербургъ: въ типографіи И. Фишона, 1852. Т. III.
24. Куприн А. И. Погибшая сила // Полное собраніе сочиненій А. И. Куприна. С.-Петербургъ: Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, 1912. Т. VIII.
25. Лесков Н. С. Письмо С. Н. Шубинскому (19 сентября 1887 г.) // Историческій вѣстникъ. Историко-литературный журналь. С.-Петербургъ: Типографія А. С. Суворина, 1902. Т. 88.
26. Матушинский А. М. Послѣдніе годы жизни Торвальдсена // Русскій вѣстникъ. Журналь литературный и политическій, издаваемый М. Катковымъ. М.: Въ Университетской Типографіи (Катковъ и Ко), 1866. Т. 63.
27. Погосский А. Ф. Злодѣй и Петъка // Полное собраніе сочиненій А. Ф. Погосскаго. С.-Петербургъ: Типографія В. А. Тиханова, 1900. Т. II.
28. Степняк-Кравчинский С. М. Домикъ на Волгѣ. Женева: Тип. „Союза Русскихъ Соціалъдемократов“, 1896.
29. Полевой Н. А. Сочиненія Г. Р. Державина // Очерки русской литературы. С.-Петербургъ: Въ типографіи Сахарова, 1839. Ч. I.
30. Тургенев И. С. Гамлетъ Щигровскаго уѣзда // Записки охотника. Лейпцигъ: Вольфгангъ Гергардъ, 1876. Ч. 2.

31. Тургенев И. С. Мѣсяцъ въ деревнѣ // Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева въ двѣнадцати томахъ. С.-Петербургъ: Изданіе А. Ф. Маркса, 1898. Т. 11.
32. Успенский Г. И. Разоренье (Наблюденія Михаила Иваныча) // Отечественныя записки, журналъ учено-литературный и политическій, издаваемый А. Краевскимъ и С. Дудышкинымъ. С.-Петербургъ: Въ типографіи А. А. Краевскаго, 1869. Т. I.
33. Франсиско-Гойя и Лусіентесь (без автора) // Художественная газета, издаваемая Несторомъ Кукольникомъ. С.-Петербургъ: Въ типографіи Леонтья Снѣгирева и Ко, 1838.

ON THE DEVELOPMENT OF FIGURATIVE-METAPHORICAL MEANINGS IN THE SEMANTICS OF ADVERBS IN LITERARY TEXTS OF THE 19TH CENTURY

E. Yu. Sharikhin

Saint Petersburg State University
*Department of Russian Language for the Faculties of Humanities
and Natural Sciences*

This paper provides an analysis of the semantic features of qualitative adverbs based on the evidence from the 19th-century Russian psychological prose. In particular, the study examines the expansion of adverb semantics from the direct meaning to the figurative one (metaphorization), the mechanisms of the formation of metaphorical transfer and the acquisition of special evaluative meanings by adverbs.

Keywords: *Russian language, historical lexicology and word-formation, semantics, adverb.*

Об авторе:

ШАРИХИН Евгений Юрьевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9), e-mail: sharichan@yandex.ru.

About the author:

SHARIKHIN Evgeny Yurievitch – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Russian Language for the Faculties of Humanities and Natural Sciences of the Saint Petersburg State University (199034, Saint Petersburg, Universitetskaya embankment, 7-9), e-mail: sharichan@yandex.ru.